

Комментарий к постановлению Европейского Суда по правам человека по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации»¹

Айдар Султанов*

В данном комментарии рассмотрено постановление Европейского Суда по правам человека, вынесенное по жалобе представителей религиозных меньшинств о защите их персональных данных. В данном постановлении содержатся важные правовые позиции Суда относительно критериев, подлежащих исследованию при вмешательстве в защищаемые Конвенцией права и свободы. По мнению автора, обязательное исследование данных критериев национальными судами позволит обеспечить должную защиту прав и свобод даже при возможном несовершенстве национального законодательства.

→ *Персональные данные, врачебная тайна, Европейский Суд по правам человека, защита конфиденциальной информации, Европейская конвенция*

Это очередное дело, в котором религиозные меньшинства не просто отстаивают свои права, но и, получая поддержку Европейского Суда по правам человека (*далее* — ЕСПЧ, Европейский Суд), добиваются поднятия стандартов защиты своих прав на новый, более высокий уровень.

На наш взгляд, роль религии в деле защиты прав и свобод человека не в полной мере оценена. Ведь именно на почве признания полной религиозной свободы², отделения церкви от государства выросли американские «декларации прав» — отдельных штатов и всего союза — декларации, послужившие образцом для знаменитого акта французского национального собрания³ — Декларации

прав человека и гражданина 1789 года. Убедительное исследование немецкого юриста Георга Еллинека в книге «Декларация прав человека и гражданина» о корнях рождения концепции прав человека показывает, что именно стремление к религиозной свободе⁴ стало причиной принятия Декларации штата Виргинии 1776 года, которая оказала сильнейшее воздействие на все последующие декларации прав человека⁵.

Но вернёмся к комментируемому делу. Оно интересно не просто с точки зрения существования самого спора о недопустимости получения прокуратурой данных, относящихся ко врачебной тайне, но и тем, что вскоре после описываемых событий был принят Федераль-

* Султанов Айдар Рустэмович — судья Третьего энергетического суда, начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (ABLE) (e-mail: sultanov@nknkh.ru).

¹ European Court of Human Rights. *Avilkina and Others v. Russia*. Judgment of 6 June 2013. Application No. 1585/09.

² Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. Р.М. Валеев, Р.Г. Вагизов. Казань, 2007. С. 39.

³ Там же. С. 70.

⁴ Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина. Одесса: Юридическая литература, 2006. С. 48–58, 60.

⁵ Там же. С. 74.

ный закон от 23 июля 2013 года № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных».

Возникает вопрос, каково влияние анализируемого в статье дела на принятие данного закона? Является ли одно следствием другого? Стало интересно, было ли появление данного закона следствием данного дела. Впрочем, полагаем, что мы уже достаточно Вас заинтриговали — пора переходить к описанию дела.

Лечебные учреждения передали прокуратуре некоторые сведения о своих пациентах без их согласия. Те обратились в Суд, ссылаясь на то, что запрошенные сведения составляли врачебную тайну, и на них должны распространяться гарантии защиты, предусмотренные статьей 8 Европейской конвенции.

Заявители (пациенты) утверждали: интерес прокуратуры к данным сведениям был вызван их религиозной принадлежностью. Заявители являлись последователями учений, исповедуемых и распространяемых Свидетелями Иеговы, а те, как известно, в силу религиозных убеждений зачастую отказываются от переливания крови. По мнению заявителей, религиозная принадлежность не должна быть основанием для ограничения прав. Кроме того, право на уважение частной жизни, гарантированное Европейской конвенцией, распространяется и на последователей религии.

Заявители ссылались на судебную практику Европейского Суда по таким делам, как «*Ротару против Румынии*»⁶; «*Леандер против Швеции*»⁷ и «*I. против Финляндии*»⁸. Правительство, возражая против удовлетворения требований противоположной стороны, утверждало, что предоставление прокуратуре медицинских документов заявителей не являлось вмешательством в их частную жизнь. Заявители являются активными Свидетелями Иеговы, открыто распространяющими свои религиозные убеждения, в том числе об отказе от переливания крови. По мнению Правительства, они отказались от

своего права на медицинскую тайну в отношении документов, подтверждающих их отказ от данной процедуры. Помимо прочего, предоставление прокуратуре медицинских документов заявителей не повлекло для них никаких негативных последствий.

ЕСПЧ, ссылаясь на своё решение по делу «*I. против Финляндии*»⁹, прежде всего, указал, что личные данные пациента являются составляющей его частной жизни.

По мнению ЕСПЧ передача прокуратуре государственными больничными учреждениями медицинских документов заявителей, бесспорно, являлась вмешательством в право заявителей на уважение их частной жизни — право, закреплённое пунктом 1 статьи 8 Европейской конвенции.

Далее ЕСПЧ подверг исследованию вопрос о том, было ли данное вмешательство обоснованным с учётом пункта 2 статьи 8 Европейской конвенции.

Первый критерий, подлежащий исследованию после установления вмешательства в охраняемые Конвенцией права и свободы, — «было [ли такое вмешательство в частную жизнь] предусмотрено законом».

По мнению заявителей, прокуратура, запросив медицинские документы пациентов — Свидетелей Иеговы, чрезмерно и произвольно расширила смысловое содержание относящихся к делу положений законодательства, действовавшего на момент рассматриваемых событий. При этом отсутствовали и подозрения в совершении заявителями каких-либо уголовно наказуемых деяний, которые могли бы послужить основанием для истребования указанных сведений. Прокуратура просто «собирала компромат». С точки зрения заявителей, значимые для дела положения законодательства не должны были истолковываться настолько вольно, что без какой-либо привязки к конкретному уголовному расследованию правоохранительные органы получили право доступа к сведениям, составляющим врачебную тайну. Данная позиция подтверждается и тем, что позднее в национальное законодательство были внесены изменения, в силу которых прокуратура была исключена

⁶ ECtHR (Grand Chamber). *Rotaru v. Romania*. Judgment of 4 May 2000. Application No. 28341/95. Para. 43.

⁷ ECtHR. *Leander v. Sweden*. Judgment of 26 March 1987. Application No. 9248/81. Para. 48.

⁸ ECtHR. *I. v. Finland*. Judgment of 17 July 2008. Application No. 20511/03. Para. 35.

⁹ ECtHR. *I. v. Finland*. Judgment of 17 July 2008. Application No. 20511/03. Para. 35.

из списка государственных органов, уполномоченных требовать предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия пациента.

По мнению Правительства, передача прокуратуре медицинских документов заявителей была осуществлена в строгом соответствии с законами, действовавшими на момент рассматриваемых событий. Национальные суды двух инстанций изучили доводы заявителей по вопросу толкования статьи 61 Основ законодательства об охране здоровья граждан и признали эти доводы ошибочными. Национальные суды сочли, что при осуществлении надзора за деятельностью конкретных граждан или организаций и при проверке исполнения ими закона прокурор был вправе запрашивать сведения, составляющие врачебную тайну.

ЕСПЧ, оценивая доводы сторон, отметил, что толкование выражения «предусмотрено законом» было тщательно проанализировано в судебной практике ЕСПЧ и сформулировано следующим образом¹⁰:

«95. ЕСПЧ напоминает, что в соответствии с его прочно установившейся практикой формулировка “предусмотрено законом” предписывает, что оспариваемая мера должна, в определённой степени, быть основана на национальном законодательстве и соответствовать принципу верховенства права, — именно это ясно указано в преамбуле Европейской конвенции и является неотъемлемой составляющей цели и задач статьи 8 Европейской конвенции. Таким образом, закон должен быть в надлежащей мере доступен и предсказуем, то есть сформулирован достаточно точно, чтобы гражданин мог — при необходимости с надлежащей помощью — сообразовывать с ним своё поведение. Чтобы удовлетворять этим требованиям, национальное право должно предусматривать надлежащую правовую защиту от произвола и соответственно устанавливать с достаточной ясностью пределы полномочий, предоставленных компе-

тентным органам власти, и порядок их реализации¹¹.

96. Уровень точности, требуемый от национального законодательства, — а оно в любом случае не может предусмотреть все возможные ситуации — в значительной степени зависит от содержания рассматриваемого документа, области его применения, числа и правового статуса лиц, которым он адресован¹².

В данном деле ЕСПЧ согласился с доводом Правительства о том, что предоставление прокуратуре медицинских документов заявителей было произведено в соответствии с национальным законодательством — Основами законодательства об охране здоровья граждан.

ЕСПЧ также учёл довод заявителей о том, что положения законодательства, действовавшие на момент рассматриваемых событий и определявшие условия для допустимого предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, были сформулированы в довольно общих терминах, и существовала возможность их расширительного толкования.

Далее ЕСПЧ специально отметил, что считает принципиальным наличие ясных и подробных норм, регулирующих объём и порядок применения мер, а также наличие минимальной защиты в отношении порядка предоставления подобных сведений, ведь благодаря этому обеспечиваются достаточные гарантии против возможного произвола и злоупотребления правом¹³.

Тем не менее, ЕСПЧ отметил, что в рассматриваемом деле эти вопросы тесно связаны с более общим вопросом: являлось ли вмешательство необходимым в демократическом обществе или нет. Принимая во внимание свою мотивировку, ЕСПЧ не счёл необходимым разрешать вопрос о том, соответствовали ли положения статьи 61 Основ законодательства об охране здоровья граждан требованию о «качестве закона», как это предусмотрено пунктом 2 статьи 8 Европейской конвенции.

¹⁰ ECtHR (Grand Chamber). *S. and Marper v. the United Kingdom*. Judgment of 4 December 2008. Applications Nos. 30562/04 and 30566/04. Para. 95–99.

¹¹ ECtHR. *Malone v. the United Kingdom*. Judgment of 2 August 1987. Application No. 8691/79; ECtHR (Grand Chamber). *Rotaru v. Romania*. Judgment of 4 May 2000. Application No. 28341/95. Para. 55; ECtHR (Grand Chamber). *Amann v. Switzerland*. Judgment of 16 February 2000. Application No. 27798/95. Para. 56.

¹² ECtHR (Grand Chamber). *Hasan and Chaush v. Bulgaria*. Judgment of 26 October 2000. Application No. 30985/96. Para. 84.

¹³ См., *mutatis mutandis*, ECtHR (Grand Chamber). *S. and Marper v. the United Kingdom*. Judgment of 4 December 2008. Applications Nos. 30562/04 and 30566/04. Para. 99.

То есть, ЕСПЧ, приступив к оценке критерия «предусмотрено законом», счёл, что установление несоблюдения другого критерия позволяет ему не исследовать соблюдение данного критерия.

ЕСПЧ также не счёл необходимым прямо отвечать на вопрос, преследовало ли вмешательство в права заявителей «законную цель».

Следующим критерием, подлежащим оценке, было наличие «правомерной цели» вмешательства. Надо отметить, что и данный критерий не был рассмотрен ЕСПЧ. Суд указал, что нарушение другого принципа освобождает его от необходимости анализировать наличие нарушения по этому критерию.

Соответственно, центральным вопросом в данном деле явилась «необходимость [вмешательства] в демократическом обществе».

Заявители указывали, что необходимость в действиях государства по оказанию воздействия на лиц, исповедующих какую-то религию в целом, а также в действиях по тайному сбору персональной медицинской документации отдельных её членов и вмешательству в процесс их медицинского лечения явно отсутствовала.

По их мнению, передача прокуратуре их медицинских документов была совершенно необоснованной. Что касается лечения, то отказ от переливания крови — личный и продуманный выбор заявителей. Учитывая неизбежность негативных последствий такого решения для пациентов, вмешательство прокуратуры и передача медицинских сведений являлась чрезмерным шагом, который лишь усугубил процесс лечения второго заявителя и создал препятствия применению альтернативных, бескровных методов лечения, в том числе эритропоэтина. Да и отношение медицинского персонала к данной пациентке значительно ухудшилось. Кроме того, 18 сентября 2007 года в средствах массовой информации появилась статья, в которой один из врачей открыто обсуждал случай второго заявителя. Ввиду угрозы очередной передачи медицинских документов четвёртый заявитель не смог получить консультацию в медицинском учреждении, в котором ранее проходил лечение.

Свои возражения Правительство подкрепило ссылкой на национальную судебную

практику по схожим вопросам, где российские суды преодолели отказ родителей от медицинской помощи своим детям ввиду принадлежности семьи к Свидетелям Иеговы.

В то же время Правительство признало, что отказ второго и четвёртого заявителей от переливания крови не был сопряжён с серьёзным риском для их здоровья или жизни. Передача медицинских документов осуществлялась в рамках проводимой прокурорской проверки.

По мнению Правительства, сбор сведений медицинского характера об отказах Свидетелей Иеговы от гемотрансфузии помог бы определить меры, которые должны были быть приняты государственными органами для недопущения возникновения угрозы жизни или здоровью пациентов, а также для защиты прав медицинского персонала, осуществляющего лечение Свидетелей Иеговы и прав несовершеннолетних пациентов.

Для ответа на вопрос, являлись ли оспариваемые меры «необходимыми в демократическом обществе», ЕСПЧ должен был проанализировать, имели ли место мотивы, приведённые в обоснование этих мер, относимыми и достаточными, а сами меры соразмерными преследуемым законным целям¹⁴.

Прежде всего, ЕСПЧ отметил, что ключевым вопросом в рассматриваемом деле является защита персональных данных, указав, что подробно рассмотренное в предыдущих делах право заявителей на личную автономию в сфере физической неприкосновенности и религиозных убеждений не является в данном случае предметом спора¹⁵.

ЕСПЧ отметил, что защита персональных данных, в том числе медицинских сведений, имеет фундаментальное значение для реализации человеком своего права на уважение частной и семейной жизни — права, которое гарантировано статьёй 8 Европейской конвенции. Соблюдение конфиденциальности сведений о здоровье является особо важным принципом правовых систем всех Договаривающихся Сторон Европейской конвенции. Разглашение таких сведений, создавая риск общественного осуждения или гонений, может серьёзно повлиять на частную и семейную жизнь граждан, а также на их социаль-

¹⁴ См., например, ECtHR. *Peck v. the United Kingdom*. Judgment of 28 January 2003. Application No. 44647/98. Para. 76.

¹⁵ См., например, ECtHR. *Jehovah's Witnesses of Moscow v. Russia*. Judgment of 10 June 2010. Application No. 302/02. Para. 131–142.

ное положение и трудовую деятельность¹⁶. Соблюдение конфиденциальности данных о здоровье имеет ключевое значение не только для защиты частной жизни пациента, но и для сохранения его доверия к медицинским работникам и системе здравоохранения в целом. При отсутствии таких гарантий защиты лица, нуждающиеся в медицинской помощи, могут воздерживаться от обращения за необходимым лечением, подвергая тем самым свое здоровье опасности¹⁷. Тем не менее, интересы пациентов по охране конфиденциальности медицинских сведений могут уступить по своей значимости интересам расследования и наказания преступлений, а также обеспечения гласности судебного разбирательства¹⁸.

ЕСПЧ подчеркнул, что за компетентными государственными органами должна сохраняться определённая свобода усмотрения по установлению справедливого баланса между противоречащими друг другу общественными и частными интересами, но такая свобода усмотрения должна также сопровождаться европейским надзором¹⁹, а её рамки — зависеть от таких факторов, как характер и значимость затронутых интересов и серьёзность вмешательства²⁰.

Рассматривая обстоятельства данного дела, ЕСПЧ отметил, что заявители не являлись подозреваемыми или обвиняемыми по какому-либо уголовному делу. Прокуратура лишь проводила проверку деятельности религиозной организации заявителей в связи с поступившими к ней обращениями. Медицинские учреждения, в которых заявители проходили лечение, не сообщали в прокуратуру ни о каких случаях предполагаемого преступного поведения. В частности, если бы медицинские работники, проводившие лечение второго заявителя, которому на тот момент было два года, оценивали состояние ребёнка как опасное для жизни, они могли сами или через прокуратуру обратиться в суд за разрешением на проведение переливания

крови. Кроме того, представленные в ЕСПЧ материалы дела не содержат никаких указаний на то, что врачи, передавшие в районную прокуратуру сведения от четвертом заявителе, высказывали мнение о том, что отказ данного заявителя от переливания крови являлся не выражением её подлинной воли, а результатом давления, оказанного на неё другими членами религиозной общины²¹.

С учётом этих обстоятельств, ЕСПЧ не усмотрел никакой острой социальной необходимости, которая требовала бы передачи в прокуратуру сведений о заявителях, составляющих врачебную тайну. ЕСПЧ решил, что методы, использованные прокуратурой при проведении проверки, не должны были быть столь репрессивными по отношению к заявителям.

ЕСПЧ учёл также и тот факт, что, кроме запроса о предоставлении сведений, составляющих врачебную тайну, у прокуратуры имелись другие возможности проведения проверки по поступившим к ней обращениям. Например, прокурор мог попытаться получить согласие заявителей на передачу таких сведений и/или опросить заявителей по данному вопросу. Несмотря на это, прокуратура решила потребовать, чтобы ей были предоставлены сведения, составляющие врачебную тайну, не уведомив об этом заявителей и не обеспечив им возможность выразить свое согласие или несогласие.

ЕСПЧ принял во внимание толкование соответствующих норм законодательства, данное национальными судами: на момент рассматриваемых событий полномочия прокуратуры по запросу сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия пациента не ограничивались лишь уголовным расследованием в отношении соответствующего лица, а могли осуществляться в связи с любой «проверкой», которую проводила прокуратура. Правительство не отрицало, что закон не устанавливал конкретных границ полномочий прокуратуры при получении медицин-

¹⁶ См. ECtHR. *Z. v. Finland*. Judgment of 25 February 1997. Application No. 22009/93. Para. 95–96.

¹⁷ См. ECtHR. *Z. v. Finland*. Judgment of 25 February 1997. Application No. 22009/93. Para. 95; ECtHR. *Biriuk v. Lithuania*. Judgment of 25 November 2008. Application No. 23373/03. Para. 43.

¹⁸ См. ECtHR. *Z. v. Finland*. Judgment of 25 February 1997. Application No. 22009/93. Para. 97.

¹⁹ См. ECtHR. *Funke v. France*. Judgment of 25 February 1993. Application No. 10828/84. Para. 55.

²⁰ См. ECtHR. *Z. v. Finland*. Judgment of 25 February 1997. Application No. 22009/93. Para. 99.

²¹ См. *mutatis mutandis*, ECtHR. *Jehovah's Witnesses of Moscow v. Russia*. Judgment of 10 June 2010. Application No. 302/02. Para. 137–138.

ских документов граждан. Относящиеся к делу правовые нормы не содержали никаких указаний на тех лиц, чьи интересы могли быть затронуты передачей таких сведений, и на порядок, который должен был при этом соблюдаться.

Сославшись на неограниченные полномочия прокуратуры по запросу сведений, составляющих врачебную тайну, российские суды признали законной передачу этих сведений и отказали заявителям в удовлетворении их требований. ЕСПЧ не усмотрел в тексте судебных постановлений никаких указаний на то, что национальные органы власти попытались установить справедливый баланс между правом заявителей на уважение их частной жизни и деятельностью прокуратуры, направленной на защиту здоровья населения и прав граждан в этой сфере. Государственные органы также не привели относимые и достаточные мотивы в обоснование разглашения конфиденциальных сведений.

Кроме того, по мнению ЕСПЧ, возможность возражать против разглашения сведений, составляющих врачебную тайну, уже после того, как они были получены прокуратурой, не обеспечивала заявителям должной защиты от несанкционированной передачи таких сведений.

Вышеуказанного хватило, чтобы ЕСПЧ пришёл к выводу о том, что сбор прокуратурой сведений, составляющих врачебную тайну, в отношении заявителей не сопровождался надлежащей защитой, позволяющей предотвратить разглашение этих данных в нарушение принципа уважения гарантиро-

ванной статьёй 8 Европейской конвенции частной жизни заявителей.

ЕСПЧ установил нарушение статьи 8 Европейской конвенции ввиду предоставления медицинских документов заявителей для целей прокурорской проверки.

Таким образом, в данном постановлении ЕСПЧ не просто признал нарушение статьи 8 Конвенции в связи с тем, что вмешательство в частную жизнь заявителей не было «предусмотрено законом», что вполне могло иметь место, а обратило внимание национальных судов и государственных органов на необходимость предоставления должной защиты от несанкционированной передачи персональных данных, а также на установление справедливого баланса между правом заявителей на уважение их частной жизни и деятельностью государственных органов.

Что же касается упомянутого нами Федерального закона от 23 июля 2013 года № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных», то он действительно вносит большую определённую в данный вопрос, однако мы не уверены, что им установлена должная правовая защита и что он выдержит проверку «на качество». Мы надеемся, что выявление справедливого баланса частных интересов и интересов государственных органов в каждом конкретном случае может исключить необходимость такой проверки, обеспечивая, таким образом, защиту прав и свобод человека.